

Муарон / новелла

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Муарон / новелла МУАРОН

Разговор все еще шел в Пранцини, когда г-н Малуро, бывший генеральный прокурор во времена Империи, сказал нам:

– О, мне довелось познакомиться с очень любопытным делом, любопытным по многим обстоятельствам, как вы сейчас увидите.

В то время я был имперским прокурором в провинции. Эту должность я получил благодаря моему отцу, состоявшему старшим председателем суда в Париже. И вот мне пришлось выступить по делу, известному под названием «Дело учителя Муарона».

Г-н Муарон, школьный учитель на севере Франции, пользовался у местного населения превосходной репутацией. Человек образованный, рассудительный, очень религиозный, немного замкнутый, он женился в Буалино, где занимался своей профессией. У него было трое детей, умерших один за другим от легочной болезни. С тех пор он, казалось, перенес всю нежность, таившуюся в его сердце, на детвору, порученную его заботам. Он покупал на собственные деньги игрушки для своих лучших, самых прилежных и милых учеников; он угощал их обедом, закармливал лакомствами, сладостями и пирожками. Все любили и превозносили этого честного человека, этого добряка, как вдруг один за другим умерли пять его учеников, и умерли весьма странным образом. Думали, что это какая-нибудь эпидемия, вызванная водой, испортившейся вследствие засухи. Врачи не могли найти причины, тем более что симптомы недуга казались совершенно необычайными. Дети, видимо, заболели какой-то изнурительной болезнью, переставали есть, жаловались на боль в животе, мало-помалу хирели, а затем умирали в страшных мучениях.

Последнего умершего вскрыли, но ничего не обнаружили. Внутренности, отосланные в Париж, были исследованы и также не дали указаний на присутствие какого-либо ядовитого вещества.

В течение года ничего не случилось. Потом два маленьких

мальчика, лучшие ученики в классе, любимцы папаши Муарона, умерли один за другим в течение четырех суток, Снова было предписано произвести вскрытие тел, и в обоих трупах были обнаружены осколки толченого стекла, врезавшиеся в кишки. Отсюда пришли к заключению, что эти два мальчугана неосторожно съели что-нибудь неочищенное и непромытое. Достаточно было разбиться стеклу над чашкой и с молоком, чтобы вызвать этот ужасный случай. Дело на том бы и кончилось, если бы в это самое время не заболела служанка Муарона. Приглашенный врач констатировал те же болезненные признаки, что и у детей, умерших незадолго до того, стал расспрашивать ее и добился признания, что она стащила и съела конфеты, купленные учителем для своих учеников.

По приказанию суда в школьном доме произвели обыск, и там обнаружен был шкаф, полный игрушек и лакомств, предназначенный для детей. И вот почти во всех съедобных вещах были найдены осколки стекла или обломки иголок.

Муарон, которого немедленно же арестовали, был, казалось, до такой степени возмущен и поражен подозрением, тяготевшим над ним, что его пришлось освободить. Однако против него обнаружили улики, и они поколебали мое первоначальное убеждение, основанное на его прекрасной репутации, на всей его жизни, а главное, на абсолютном отсутствии побудительных мотивов для подобного преступления.

К чему бы этот добрый, простой, религиозный человек стал убивать детей, своих любимцев, которых он баловал и пичкал лакомствами, детей, ради которых тратил на игрушки и конфеты половину своего жалования?

Допустив подобный поступок, следовало бы заключить о сумасшествии. Муарон же казался таким рассудительным, спокойным, полным благоразумия и здравого смысла, что как будто нельзя было допустить и мысли о душевной болезни.

Улики, однако, накапливались. Конфеты, пирожки, леденцы и другие лакомства, взятые для анализа у торговцев, снабжавших ими учителя, не содержали никаких подозрительных примесей.

Тогда он стал уверять, что, должно быть, неизвестный враг отворил подобранным ключом его шкаф и подсыпал в лакомства

осколки стекла и иголок. Он предположил целую историю с наследством, зависевшим от смерти одного из детей, от смерти, которой решил добиваться какой-нибудь крестьянин, свалив все подозрения на учителя. Этому зверя, говорил он, нисколько не смущала мысль о других несчастных мальчуганах которые должны были также погибнуть при этом.

Это было возможно, Муарон казался до такой степени уверенным в своей правоте, он так сокрушался, что мы, без всякого сомнения, оправдали бы его, несмотря на все обнаружившиеся против него улики, если бы не два тягчайших обстоятельства, открывшихся одно за другим.

Первое – это табакерка, полная толченого стекла! Его табакерка в потайном ящике письменного стола, где он прятал деньги!

Даже и этой находке он нашел было объяснение, почти правдоподобное, – как последней хитрости настоящего, но неизвестного преступника. Но к следователю явился вдруг один мелочной торговец из Сен-Марлуфа и рассказал, что какой-то господин неоднократно покупал у него иголки, самые тоненькие, какие только мог найти, и ломал их, чтобы выбрать, какие ему подходят.

Торговец, которому было показано на очной ставке двенадцать человек, тотчас же узнал Муарона. И следствие обнаружило, что учитель действительно ездил в Сен-Марлуф в указанные торговцем дни.

Пропускаю ужасные показания детей о выборе лакомств и о том, как он заботился, чтобы дети ели при нем и чтобы скрыты были всякие следы.

Возмущенное общественное мнение потребовало самого сурового наказания, и это явилось такой грозной силой, что исключало возможность каких бы то ни было противодействий и колебаний.

Муарон был приговорен к смерти. Апелляционная жалоба его была отклонена. Ему оставалось только просить о помиловании. Через отца я узнал, что император откажет.

И вот однажды утром, когда я работал у себя в кабинете, мне доложили о приходе тюремного священника.

Это был старый аббат, хорошо знавший людей и привыкший к преступникам. Он казался смущенным, стесненным, обеспокоенным.

Поговорив несколько минут о том, о сем, он вдруг сказал мне, вставая:

– Господин имперский прокурор, если Муарон будет обезглавлен, то вы казните невинного.

Потом, не поклонившись, он вышел, оставив меня под сильным впечатлением своих слов. Он произнес их в взволнованным и торжественным тоном, приоткрыв ради спасения человеческой жизни свои уста, замкнутые и запечатленные тайной исповеди.

Через час я уезжал в Париж, и отец мой, узнав от меня о происшедшем, немедленно выхлопотал мне аудиенцию у императора.

Я был принят на другой день. Его величество работал в маленькой гостиной, когда нас к нему ввели. Я изложил все дело, вплоть до визита священника, и уже начал рассказывать об этом визите, когда дверь за креслом государя отворилась и вошла императрица, предполагавшая, что он у себя один. Его величество Наполеон обратился к ней за советом. Едва познакомившись с обстоятельствами дела, она воскликнула:

– Надо помиловать этого человека. Так надо, потому что он не виновен!

Но почему эта внезапная уверенность столь набожной женщины вселила в мой мозг ужасное сомнение?

До этой минуты я страстно желал смягчения наказания. Но тут я вдруг заподозрил, что мною играет, меня дурачит хитрый преступник, пустивший в ход священника и исповедь как последнее средство защиты.

Я изложил свои сомнения их величествам. Император колебался: он был готов уступить своей природной доброте, но в то же время его удерживала боязнь поддаться обману со стороны негодяя. Однако императрица, убежденная, что священник повиновался некоему внушению свыше, повторяла:

– Что же из того: лучше пощадить виновного, чем убить невинного!

Ее мнение восторжествовало. Смертная казнь заменена была каторжными работами.

Несколько лет спустя я узнал, что Муарона, о примерном поведении которого на тулонской каторге было снова доложено императору, взял к себе в услужение директор тюрьмы.

Потом я долго ничего не слышал об этом человеке.

Года два тому назад, когда я гостил летом в Лилле, у своего родственника де Лариеля, как-то вечером, перед самым обедом, мне доложили, что какой-то молодой священник хочет поговорить со мной.

Я приказал его ввести, и он стал умолять меня прийти к одному умирающему, непременно желавшему меня видеть. В течение моей долгой судейской карьеры такие случаи бывали у меня нередко, и хотя республиканская власть отстранила меня от дел, все же время от времени ко мне обращались при подобных обстоятельствах.

Итак, я последовал за священником, который привел меня в маленькую нищенскую квартирку под самой крышей высокого дома в рабочем квартале.

Здесь я увидел странное существо, сидевшее на соломенном тюфяке, прислонясь к стене, чтобы легче было дышать.

Это был морщинистый старик, худой, как скелет, с глубоко запавшими и блестящими глазами.

Едва завидев меня, он прошептал:

– Вы меня не узнаете?

– Нет.

– Я Муарон.

Я вздрогнул:

– Учитель?

– Да.

– Каким образом вы здесь?

– Слишком долго рассказывать. У меня нет времени... Я умираю., мне привели этого кюре... и так как я знал, что вы здесь, то послал за вами... Я хочу вам исповедаться... ведь вы спасли мне жизнь... тогда...

Он судорожно сжимал руками солому своего тюфяка и низким, хриплым, резким голосом продолжал:

– Вот... Вам я обязан сказать правду... Вам... надо же ее поведать кому-нибудь, прежде чем покинуть этот мир...

Это я убивал детей... всех... это я... из мести...

Слушайте. Я был честным человеком, очень честным... очень честным... очень чистым... Я обожал бога... милосердного бога... бога,

которого нас учат любить, а не того ложного бога, палача, вора, убийцу, который правит миром. Я никогда не делал ничего дурного, никогда не совершал никакой низости. Я был чист, как никто, сударь.

Я был женат, имел детей и любил их так, как никогда отец или мать не любили своих детей. Я жил только для них. Я сходил с ума по ним. Они умерли все трое. Почему? За что? Что я такое сделал? Я почувствовал возмущение, яростное возмущение. И вдруг глаза мои открылись, как у пробудившегося от сна. И я понял, что бог жесток. За что он убил моих детей? Мои глаза открылись, и я увидел, что он любит убивать. Он только это и любит, сударь. Он дает жизнь только затем, чтобы ее уничтожить! Бог, сударь, это истребитель. Ему нужны все новые и новые мертвецы. Он убивает на все лады – для вящей забавы. Он придумал болезни, несчастные случаи, чтобы тихонько развлекаться целые месяцы, целые годы, а затем, когда ему становится скучно, у его услугам эпидемии, чума, холера, ангина, оспа... Да разве я знаю все, что он выдумал, это чудовище? И этого ему еще мало, – все эти болезни слишком однообразны. И он увеселяет себя время от времени войнами, чтобы видеть, как двести тысяч солдат затоплены в крови и грязи, растерзаны, повержены на землю с оторванными руками и ногами, с разбитыми пушечным ядром головами.

И это не все. Он сотворил людей, поедающих друг друга. А потом, когда он увидел, что люди становятся лучше, чем он, он сотворил животных, чтобы видеть, как люди охотятся за ними, убивают их и съедают. И это еще не все. Он сотворил крохотных животных, живущих один только день, мошек, издыхающих миллиардами за один час, муравьев, которых давят ногой, и много-много других, столько, что мы и вообразить этого не можем. И все эти существа убивают друг друга, охотятся друга за другом, пожирают друг друга и непрерывно умирают. А милосердный бог глядит и радуется, ибо он-то видит всех, как самых больших, так и самых малых, тех что в капле воды, и тех, что на других планетах. Он смотрит на них и радуется. О каналья!

Тогда и я, сударь, стал убивать – убивать детей. Я сыграл с

ним штуку. Эти-то достались не ему. Не ему, а мне. И я бы еще многих убил, да вы меня схватили... Да!..

Меня должны были казнить на гильотине. Меня! Как бы он стал тогда потешаться, гадина! Тогда я потребовал священника и налгал. Я исповедался. Я солгал – и остался жив.

А теперь кончено. Я не могу больше ускользнуть от него. Но я не боюсь его, сударь, – я слишком его презираю.

Было страшно видеть этого несчастного, который задыхался в предсмертной икоте, раскрывая огромный рот, чтобы извергнуть несколько еле слышных слов, хрипел и, срывая простыню со своего тюфяка, двигал исхудалыми ногами под черным одеялом, как бы собираясь бежать.

О страшное существо и страшное воспоминание!

Я спросил его:

– Больше вам нечего сказать?

– Нечего, сударь.

– Тогда прощайте!

– Прощайте, сударь, рано или поздно...

Я повернулся к смертельно бледному священнику, который стоял у стены высоким темным силуэтом.

– Вы остаетесь, господин аббат?

– Остаюсь.

Тогда умирающий проговорил, издеваясь:

– Да, да, он посылает своих воронов на трупы.

С меня было довольно; я отворил дверь и поспешил уйти.

* * *

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод С. Иванчиной-Писаревой. Neкаýalar